

музы сохраняет характер проповеди и воззваний к лучшим чувствам читателей» (Мир Божий. 1901. № 11. С. 74). По мнению П. Ф. Гриневича, Щ.-К., хотя и не «абсолютно лишена поэтического дарования», «вялыми и бесцветными стихами» изображает «ужасную долю женщины, гибнущей в вертепах порока», ее поэзию он называет «холодной и пресной» (Гриневич П.—С. 360–361). Тем не менее, в 1904 Щ.-К. получила почетный отзыв Академии наук за стихотворения.

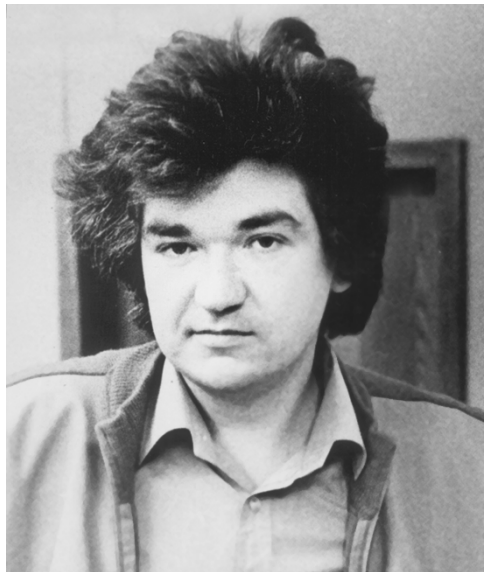
Наиболее ценная часть лит. наследия Щ.-К.— ее драматические переводы. Первым опытом в этой области был перевод стихотворной комедии Э. Ростана **«Романтики»** (1894), который Чехов оценил как «изящный» (Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем. М., 1949. Т. 16. С. 195). Впоследствии перевела все пьесы Ростана, перевод лучшей из них — **«Сирано де Бержерак»** (1898) — получил высокую оценку М. Горького. В 1903 издала **«Переводы Метерлинка»**, в 1910–14 — **«Драматические переводы»** (в 3 томах). Как переводчик Щ.-К. обращалась к драматическим произведениям, большей частью стихотворным, Софокла, Мольера, Шекспира (13 пьес), Лопе де Вега (4 пьесы), Кальдерона, Тирсо де Молина, Гольдони, Бомарше, Гюго и др., а также к лирике Бернса, Петрарки, Байрона и др. Всего Щ.-К. перевела 59 пьес западноевропейских драматургов, среди которых ей наиболее удалось комедии с их жизнерадостной речью.

С 1940 Щ.-К. жила в Москве. Оставила три книги мемуаров: **«Дни моей жизни»** (1928), **«О М. Н. Ермоловой»** (1940), **«Театр в моей жизни»** (1948), в которых проявился ее дар рассказчика, чувство эпохи и мастерство портретных характеристик, посвященных Чехову, К. С. Станиславскому, О. Л. Книппер-Чеховой, Качалову и др.

Соч.: Избранное. Воспоминания и портреты. Рассказы и очерки. Стихотворения. Драматические переводы. М., 1954; Избранные переводы. Т. 1–2. М., 1957–58; Из воспоминаний. М., 1959; Разрозненные страницы. М., 1966.

Лит.: Гриневич П. Ф. (Якубович П. Ф.). Т. Л. Щепкина-Куперник // Гриневич П. Очерки русской поэзии. 2-е изд. СПб., 1911; Богуславский А. О., Дурылин С. Н. Т. Л. Щепкина-Куперник // Щепкина-Куперник Т. Избранное. М., 1954; Мокульский С. С. Мастер драматического перевода // Щепкина-Куперник Т. Избранные переводы. М., 1957; Эвентов И. [Вступ. статья] // Щепкина-Куперник Т. Из воспоминаний. М., 1959.

В. Г. Макашина

С. А. Щербаков

ЩЕРБАКОВ Сергей Анатольевич [8.10. 1960, г. Орехово-Зуево Московской обл.] — поэт.

Отец — академик Российской академии естественных наук, родом из крестьян с. Панино Рязанской обл.; мать — инженер, из Орехово-Зуево, где в свое время ее дед был главным механиком на фабрике Саввы Морозова. Щ. окончил Московский лесотехнический ин-т (1982). В том же году поступил в Лит. ин-т им. А. М. Горького, совмещающую учебную работу на радио, а в 1987 перешел в изд-во «Молодая гвардия» ведущим редактором отдела поэзии.

Печататься начал рано, лет с семнадцати, однако первой серьезной публикацией считает поэтическую подборку в сб. «Молодые поэты Москвы» (1983), выпущенном изд-вом «Молодая гвардия».

Первые поэтические впечатления Щ. связаны с Рязанщиной, где провел детство: «Я сплю под иконами в бабьин дом, / Закаты встречаю парным молоком, / И долго валяюсь на теплой соломе / Почти что в обнимку с веселым телком» (**«Я сплю под иконами в бабьин дом...»**, 1980). Эти впечатления подпитывались и гордым чувством землячества с Есениным: «Огромно небо над Рязанью, / И здесь от века человек / Привычен к синеому слиянию / Равнинных и небесных рек» (**«Южный крест»**), хотя, как справедливо отмечал Н. Старшинов, «при всей его любви к Есенину, к малой родине С. Щербаков избежал этого подминающего под себя

вливания поэта... у него интонации свои, и сюжеты — тоже». (Лит. учеба. 1989. № 2. С. 21).

Дебютная поэтическая книга Щ. с весьма дерзким для русского поэта названием **«Веселая судьба»** (1986) сразу обозначила главный для него вопрос, с которым он вошел в лит-ру: «На Земле весенней и лунной / Холостой, веселый и юный, / Навсегда влюбленный в удачу, / Я подумал: „Что же я значу, / Этих нив восторженный житель?“» (**«На Земле весенней и лунной...»**). После выхода сб. в свет Щ. был удостоен лит. премии им. А. М. Горького «За лучшую первую книгу года» (1987) и стал одним из самых молодых членов СП СССР. О. Шестинский писал в напутственном слове к сб.: «С. Щербаков оптимистичен: „Любовь чиста, весна всесильна, / А Родина моя бессмертна“... Радует и волевая, деятельная мысль, пронизывающая стихи...» (Веселая судьба. С. 3).

Вместе с тем критик П. Уляшов уловил в ней и первую тревожную ноту, оценив провидческое чутье поэта в еще, казалось бы, благополучном мире: «Явно талантлив... совсем молодой Сергей Щербаков... Он из тех поэтов, которые умеют видеть в частном явлении — например, насильственно прерванном полете селезня — последствия событий, разрешающихся в логической цепочке причинных связей мировым катаклизмом: „Нет, мне не слишком жаль его полета, / Об этом глупо было б говорить, / Я всё о том, что ширится охота, / Что трудно выжить и легко убить. / И лунный диск с того так желт и жуток, / Что в гонке человеческих страстей / Одни, как я, охотятся на уток, / Другие больше любят на людей...“» (Уляшов П. Заказываю судьбу!).

Известность Щ. принесло стих., прозвучавшее диссонансом «Веселой судьбе»: «Я хочу умереть на Пасху, / Загрустив о небесном чуде / И стаканом созревшей браги / Напоследок утешив плоть, / Чтоб меня на дороге к Спасску / Подобрали чужие люди / И сказали: „Везет бродяге — / В светлый праздник прибрал Господь...“» (**«Я хочу умереть на Пасху...»**, 1989). Вопреки «перестроечному» оптимизму ряда литераторов начала 1990-х, эти строки отрезвляли как «роковая о гибели весть» — гибели поэзии, культуры, традиции. Во многом они оказались пророческими.

В 1992, во время расцвета рыночных отношений как в политике, так и в поэзии и в издательском деле, Щ. ушел и из поэзии, и из изд-ва, с ироническим вызовом написав: «Был и я лирическим поэтом. / Не смотрел я

съезды депутатов. / Потому что знал — в бедламe этом / Сам Господь не сыщет виноватых... / ...И пока мы спорили без толку, / Кто у нас пробьется в президенты, / Депутат ширкарнейшую телку / Поволок в свои апартаменты. / Я хочу политикой заняться!» (**«Поэт и политика»**).

Работа в торгово-коммерческой фирме позволила Щ. найти средства для издания своего поэтического сб. **«Воскресная любовь»** (1992), подготовленного к выпуску изд-вом «Современник», но оставленного из-за издательского кризиса. Талантливая и очень грустная книга — о «задохнувшемся» поэтическом поколении: «Мы так и не спели задуманной песни, / А всё вспоминали какое-то слово, / Так прочно, так глупо забытое нами, / Ведь были в том слове протражность и нежность / И, главное, в нем открывалась надежда / На лучшее что-то. А ночь проходила, / Плескалась в реке полусонная рыба, / Костер догорал, и хотелось заплакать; / И всё нам казалось, что рядом, что близко, / Что вот уже скоро в единственном слове / Откроется нам бесконечная тайна...» (**«Мы так и не спели задуманной песни...»**).

Щ. попытался заключить нарастающий вокруг хаос в сказочно-фольклорную форму, обыграв злободневные темы в стихотворной пьесе-сказке **«Какъ Иванъ-дуракъ жениться ходиль»** (1996), что, к примеру, сделал и Л. Филатов в поэме-сказке «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Но если Филатов стилизовал язык своей поэмы под фольклорно-народный, то Щ. взял только фольклорный сюжет о борьбе со Змеем Горынычем (у Щ. — Зеленым Змием), наполнив речь своих сказочных персонажей сленговым «новоязом» последнего времени. Такой прием позволил показать и комичность, и болезненность притязаний некоторых модников от лит-ры на особый, «кастовый», язык, и шире — показать «бесконечный тупик» беспочвенности.

В новой книге стихов **«Дар»** (2002) отразились попытки Щ. изжить «Нелепый дар судьбы — сплестать венки сонетов, / Не нужных никому в родной ему стране» (стих. **«Дар»**). Книга вобрала в себя три основные «думы» поэта. Первая: поэтический талант — это дар судьбы или наказание? Автор склоняется к последнему: «Всё врут, что истина в вине. / Зачем в компании безвестной / С вином смешал я дар небесный, / Дарованный на гибель мне? / В глазах туман, под сердцем зной. / А муза, старая кокетка, / Глядит презрительно и едко — / Она смеется

надо мной!» («Жалоба»). Вторая дума — о возможных степенях свободы поэта. Драма выбора между тем, о чем говаривал Н. Гумилев: быть влюбленным — профессиональное условие поэта, и тем, что принято называть житейской добродетелью, отразилась не в одном стих. Щ.: «В тот страшный год, когда я был любим, / И сам любил, и это было плохо, / Рыдал тебя хранящий херувим, / Упав лицом в кусты чертополоха... / Я был любим и не играл тобой. / Но по пути, который нам неведом, / Мы много судеб тащим за собой, / И много клятв бредет за нами следом...» («В тот страшный год, когда я был любим...»). Третья дума — это сомнения в справедливости утверждения Достоевского, что «красота спасет мир». Щ. задает вопрос, может ли поэт изменить мир к лучшему: «И вот когда он стал совсем седым и старым, / И мог унять с трудом дрожание руки, / И проклинал свой дар, что был потрачен даром, / Тогда к нему пришли его ученики. / И он учил их так: „Возлюбленная лира / Свела меня с ума и привела в трактир. / Любите Божий мир, но не спасайте мира, / Поскольку все равно вы не спасете мир!“ («Дар»)). По сути, лирический герой спорит не столько с Достоевским, сколько со своей судьбой — судьбой поэта. Эта сквозная мысль книги Щ. перекликается и с лермонтовской «Молитвой», в которой поэт умоляет Творца избавить его от «страшной жажды песнопенья», и с блоковскими строками-отречением: «Молчите, проклятые книги! / Я вас не писал никогда!» («Друзьям»), написанными в зените демонического Серебряного века с его иступленным стихотворчеством.

Поэзию Щ. отличает скрытая эмоциональность и смысловая многослойность, внимание к детали и напевность стиха, лиричность и самоирония, часто горькая. А. Межиров писал в рецензии на дипломную работу Щ. (1987): «В его стихах есть тематическая многозначность, но ничто не нарушает впечатления естественности, цельности, органического единства. Романтический пафос сочетается со сдержанной, подчеркнуто прозаической интонацией... общий драматизм — с намеком на юмористическую нотку...» (Архив автора). Г. Красников отмечал в поэзии Щ. «очень солидную культуру стиха... изящество формы и современную оснащенность стихотворной техники» (Красников Г.— С. 319).

В 1998 Щ. вернулся в Лесотехнический ин-т, где стал преподавателем русского яз., защитил диссертацию о творчестве Нико-

лая Старшинова (2003), но, несмотря на уход в литературоведение, так и не сумел изжить свой стихотворный дар и сойти с пути поэта. Теперь он видит этот путь как путь искупления: «Печален путь до города Рязани. / И сам Господь, храня свой Третий Рим / Висящими по избам образами, / Не понимает, что мы здесь творим... / ...Печален путь до города Рязани. / И, кажется, с него нельзя свернуть. / Под низкими скупыми небесами / Все больше он похож на Крестный путь». Это путь на родину, к самому себе, к есенинским истокам, ведь Крестный путь, хоть он и скорбень, обещает Воскресение.

Соч.: Веселая судьба: стихотворения. М., 1986; Воскресная любовь: стихотворения. М., 1992; Как Иван-дурак жениться ходил: Стихи. Пьеса-сказка. М., 1998; Дар: Стихотворения. Пьеса-сказка. М., 2002; [Стихотворения] // Русская поэзия. XX век: Антология. М., 1999. 2-е изд. 2001.

Лит.: Попцов О. Молодость, творчество // Лит. газ. 1983. 16 марта; Шестинский О. Кто начал, тот не начинающий // Лит. газ. 1984. 29 февр.; Уляшов П. Я родился всерьез... // Лит. Россия. 1984. 18 мая; Куликова Л. Школа гражданственности и мастерства // Лит. газ. 1985. № 40; Уляшов П. Заказываю судьбу! // Лит. Россия. 1988. 30 сент.; Старшинов Н. О стихах С. Щербакова // Лит. учеба. 1989. № 2. С. 21–22; Калюжная Л. Своенравная власть вдохновения: [предисл.] // Щербак С. Дар: Стихотворения. Пьеса-сказка. М., 2002; Красников Г. Шопенгауэр нам не указ! // Красников Г. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба. М., 2002.

Л. С. Калюжная

ЩИПАЧЁВ Степан Петрович [26.12.1898 (7.1.1899), д. Щипачи Камышловского у. Екатеринбургской губ.— 1.1.1980, Переделькино, под Москвой] — поэт.

Сын крестьянина-бедняка. Рано осиротел, батрачил, работал на приисках (см. автобиографическую повесть Щ. «Березовый сок», 1955). Начал писать стихи (о деревне, войне, раненных солдатах, вернувшихся с фронта) еще учеником церковно-приходской школы. Свое лит. становление называл затыжным, проходившим замедленно и скрыто. В начале 1917 был призван в царскую армию. В апр. 1919 на станции Бугуруслан перебежал в Чапаевскую дивизию. До 1931 — в Красной Армии. Был командирован в Высшую военно-педагогическую школу, преподавал в военных школах Крыма и Москвы. В 1934 окончил лит. отделение Ин-та красной профессуры.